

УЧРЕДИТЕЛЬ: ГОСУДАРСТВЕННОЕ УНИТАРНОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ГОРЭЛЕКТРОТРАНС» • ГАЗЕТА ВЫХОДИТ С МАЯ 1945 Г.

65 ГОДОВЩИНА ПОЛНОГО СНЯТИЯ БЛОКАДЫ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Едва заканчиваются долгие новогодние каникулы с их легкомысленной суетой, как городские улицы и проспекты преобразуются. Строгие лица на плакатах. Жёсткий, графичный облик фронтального города предстаёт перед нами с рекламных щитов. И опять на улицы вполне уже европейского по всем внешним приметам Санкт-Петербурга возвращается Ленинград. Город-герой Ленинград.

27 января исполняется 65 лет со дня окончательного освобождения Ленинграда от вражеской блокады. История не знала другого подобного примера. 900 дней жил в жесточайшей вражеской осаде великий город. Жил и выжил. Мужество, стойкость, величие духа... Это суровое время застыло в монументах, время и сегодня живёт в названиях улиц, площадей. Вот станция метро «Площадь Мужества», а вот другой адрес – проспект Непокорённых. Сами имена эти и есть памятник ленинградцам-блокадникам. Они проживали каждый день как последний. Они спасали детей. Они трудились. Побеждали страх, боль, голод, холод, саму смерть.

Многих уже нет. Немногие ещё живут среди нас. Минувшей весной, готовя материалы к 100-летию трамвайного парка № 3, ещё не так давно носившего имя Блохина, я познакомился с Вален-

тиной Леонидовной Коземьянец. Ей в прошлом году исполнилось 78 лет. 56 из них она прожила с родным парком на Петроградской стороне. Закончила родной для многих наших работников Электромеханический техникум. Работала инженером в техническом отделе. А потом, так получилась, перешла слесарем в цех.

У неё внимательный, открытый собеседнику взгляд. Ничего резкого ни в движениях, ни в словах. Она умеет слушать, а сама говорит негромко, чисто и ясно. Совсем недавно со всем этим ассоциировалось понятие ленинградца.

Мы говорили тогда с Валентиной Леонидовной долго и о многом. Я узнал, что родилась она на Украине. В Ленинград её привезли ребёнком в самом начале тридцатых годов. Кто знал тогда, какие испытания выпадут вскоре городу, его жителям.

Когда началась война, ей было одиннадцать. Эвакуироваться семья офицера не стала. И вот первая, самая страшная и самая суровая блокадная зима. Как согревались, как кормились, как выжили...

– Я рассказывала об этом много раз, – призналась Валентина Леонидовна. – А сегодня, извините, не хочу тревожить память...

Этот номер нашей газеты растревожит память многих. Мы решили предоставить слово тем, кто жил тогда, го-

воря словами Ольги Берггольц, «дыша одним дыханьем с Ленинградом». Кто дожил до сегодняшних дней. Как водитель Леоновского парка более чем с сорокалетним стажем Вера Михайловна Шалова. Мы не в праве умолчать о тех, кто сгорел в самые первые блокадные месяцы. Вспомним юного ленинградца Бориса Кошкина. Он только был на пути к своей мечте. После окончания «семилетки» поступил всё в тот же Электромеханический техникум. В январе 1942 года его жизнь закончилась, едва начавшись...

Мы не можем, к великому сожалению, вспомнить всех наших павших и ныне живущих коллег-блокадников поименно. Так, как сделали это в год 60-летия Великой Победы создатели «Книги памяти». Этот выпуск газеты, хочется верить, станет продолжением, ещё одной страницей той замечательной книги. И не только о людях пойдёт речь. Ещё и о блокадном трамвае. Он тоже совершил подвиг. Вместе с горожанами. Вместе с городом.

Мы потревожили память. Мы всколыхнули боль от пережитых потерь. И сделали это не только для того, чтобы отдать долг тем, кого уже нет с нами и кто уходит от нас день за днём. Мы сделали это ради живых. Ради тех, кто сегодня молод, здоров и порой беспечен. Чтобы и они помнили...

Мансур Арифалин

Сестра моя, товарищ, друг и брат,
Ведь это мы, крещенные блокадой.
Нас вместе называют – ЛЕНИНГРАД...
О. Берггольц

1941–1944

«Я РОДОМ ИЗ БЛОКАДЫ»

С полным правом может сказать о себе Вера Михайловна Шалова. Она проработала водителем в трамвайном парке имени Леонова свыше сорока лет. Все 900 блокадных дней она оставалась в родном городе.

В 1941-м мне исполнилось пятнадцать лет. Семья наша обитала тогда на Васильевском острове – 16 линия, дом 67. Семья не из больших, три человека – мама, отчим, я.

Первая потеря – отчим. Умер осенью, ещё до настоящего голода. Сердце не выдержало тревожного ожидания. Настоящие испытания начались позже, зимой. Отключили свет, тепло. Мы жгли свечи. Только хватало их очень ненадолго. Перешли на лучины. От них, казалось, тепла было больше. Впрочем, возможно это нам только казалось. С едой начались серьёзные перебои. Но все как-то сгруппировались, чтобы пережить тяжёлые времена. К нам переехала мамина подруга Елена Ивановна Кузьменкова. Три карточки оказалось у нас на троих – две рабочие, одна моя, иждивенческая. Перебивались. Но однажды мама пришла с работы ни жива ни мертва. В чём дело? В ответ только одно слово – карточки. Оказывается, украли их. Что это значило, объяснять никому в блокадном Ленинграде не нужно было. Это – приговор. Смерть всех нас троих от голода.

Но кому же хочется умирать в пятнадцать лет? Я распахнула шкаф, заглянула на самые верхние полки. И поняла: мы спасены, рано ещё нам

на кладбище. Вот дуранда. Целых две плитки – подсолнечник и гречиха. Вот отруби. Целый мешок, никак не меньше десяти килограммов. А тут и вовсе богатство неслыханное. Сушёные плоды шиповника. У отчима болели в последние годы сильно ноги. Дали нам тогда добрые люди совет – отпаривать их в отваре шиповника. Что ж, теперь сушёный шиповник станет для нас настоящим десертом. Будем варить компот. А из гущи получится настоящее лакомство. Дуранду будем заливать кипятком. Отруби тоже оказались вполне съедобными.

Откуда всё это добро? Расскажу по порядку. Ещё ранней осенью одна предусмотрительная соседка посоветовала мне съездить в фуражный магазин, где продавался корм для домашнего скота. Увы, явно я опоздала. Выбора там большого уже не было. Всё, что было, я и купила. Ни с кем не посоветовавшись, попрятала свои покупки по укромным местам. Ждать судного дня пришлось несколько месяцев. Вот он пришёл, и я поскребла по сусекам. Благодаря этим припасам мы все трое и выжили в ту самую тяжёлую зиму. Выжить-то выжили. Но тогда я поняла: надо устраиваться на работу. С иждивенческой карточкой долго не протянешь. Нужна рабочая.

Неподалёку от нашего дома был до войны кондитерский цех. Выпекали там когда-то кренделя, сдобные булочки. Сейчас, понятно, пекли только хлеб. Меня взяли сначала месить

тесто, а потом стала работать с пекарем на равных. За смену выпекали вдвоём 140 буханок. По утрам бежала туда со своей 16-й линией отогреться первым делом. Печи работали на дровах. Тяжёлые чугунные формы для выпечки обжигали, согревали руки.

Но чтобы по-настоящему оформиться на работу, нужно было сначала побывать в конторе на Дегтярном переулке. С Васильевского острова до Дегтярного в мирное время можно было добраться минут за тридцать. Только какие трамваи в феврале 42-го? Шла пешком. Поначалу даже обрадовалась: как же, увижу любимый Невский. Это после нескольких месяцев разлуки. Но когда оказалась на пустынном проспекте, с которым так много за пятнадцать довоенных лет было связано счастливых и радостных минут, не смогла удержаться, заплакала. Не поверите, на всём пути от Главного штаба до Московского вокзала встретила четырёх человек. Но до конторы на Дегтярном переулке дошла. И домой вернулась. А утром спозаранку уже держала в руках горячие чугунные формы с хлебом.

Сегодня, когда вспоминаю всё, что пережито тогда, я уже хорошо понимаю, что судьба меня берегла. Закрыли ту пекарню, но без работы я не осталась. Определили меня в Калашниковские склады. Это уже не на Васильевском острове, у Александроневской лавры. Была там армейская мастерская по ремонту обуви. Мой участок – холодная и валенная обувь. Дело, казалось совсем не хитрое – раз-

дирать привезённые с фронта валенки на куски. Только справиться мне с этой простой работой было ой как не просто – сил не хватало. И грязные, нередко залитые кровью раненых или убитых бойцов валенки никак не поддавались. По ночам ныли руки. Чем дышали в цеху, разве расскажешь. Стала кашлять. Это первый тревожный сигнал. Вызвали меня к врачу. И вот не диагноз, нет, опять суровый приговор. Туберкулёз. Лечили меня четыре месяца. Кто сберёт тогда? Можно сказать, что судьба. А я скажу иначе – ленинградские врачи, медсёстры. Они, бывало, валились с ног от усталости, от голода. Но клятве Гиппократа не изменяли. И, конечно, выжила я благодаря людям, которые были рядом, с кем провела четыре долгих месяца в холодных и тёмных больничных палатах.

Теперь о блокаде много чего уже сказано и написано. У молодёжи создаётся порой впечатление, что ценность человеческой жизни тогда была нулевая. Не соглашусь с этим. Вот мой пример. Меня ведь буквально вырвали из рук смерти. Правда то, что в суровое время в человеке может проявиться много такого, о чём в прежней, нормальной жизни и думать не приходилось. Но мне ещё раз повторю, видимо повезло – меня, девчущку, берегли, обо мне думали, меня спасали.

В апреле 1942-го пошёл трамвай. Для нас, электротранспортников, 15 апреля и по сей день один из самых главных праздников. Моя мама в числе первых работников Леоновского парка вышла на работу. Ездилла она в своём вечно переполненном поезде четвёртого маршрута от

Голодая до Волковой деревни. Ну я как из больницы выписалась и чуть окрепла, тоже задумалась – нужно мне тоже в трамвайный парк имени Леонова определяться. Он рядом с домом, по соседству.

Никогда не забуду имя начальника отдела кадров трамвайного парка – Евгения Станиславовна Милюк. Она не удивилась, что исхудавшая, едва живая девчонка собралась в парк работать. Одно только спросила: согласна в кондукторы пойти?

– Нет, – отвечала я. – Не согласна. Только водителем.

– Хорошо, – ответила Евгения Станиславовна, – будешь водителем. Обязательно будешь. Но сначала табельщицей побегаешь, нет у меня сейчас других вакансий.

В табельщицах я долго не задержалась. Апрель, май, июнь, речь идёт уже о 1944 году, это время учёбы на

водительских курсах. В июне уже можно права получать. Все, кто со мной вместе учились, эти права и получили. А я – нет. Рано оказывается нет ещё положенных восемнадцати лет. Так ведь уже через месяц исполнится.

– Вот и подождём месяц, – сказали в парке. Никогда я так больше в жизни не ждала своего дня рождения как тогда в 44-м. Всё боялась: не пропали бы права, не пришлось бы по новой учиться, экзамены сдавать. Не пропали. 26 июля 1944 года мне исполнилось восемнадцать, а наутро 27 июля я повела свой комсомольский поезд по одиннадцатому маршруту от Смоленки на Стремянную улицу. Чуть позже перебросили меня на 37-й маршрут – он тогда следовал от Косой линии в Старую деревню.

Теперь вот блокаду показывают как одну сплошную долгую зиму. Для меня это не так. И весна была. И белые наши ночи никто не отменял. Жизнь брала своё. И случалось, собирались мы на вечеринки – девчонки, парни, чей возраст призывной ещё не подоспел. Не поверите, даже в театры ходили. С Васильевского острова до Фонтанки, помню, пешком добирались на спектакли Горьковского, так тогда мы в обиходе называли Большой драматический театр. И музыкальная комедия тоже работала в блокадном городе.

Трагичного, чего скрывать, в жизни было много. Но и весёлые страницы вспоминаются.

Последнего рейса мы всегда побавлялись. Тогда ведь был комендантский час. Опаздывать с расписанием нельзя. С этим было строго. И вот бежит за отъезжающим с конечной остановки вагоном немолодой уже человек. Понятно, что я остановилась, дождалась его. В вагоне пассажир неожиданно разбуянился. Дескать, куда спешите, день ведь только начинается. Мы с кондуктором переглянулись – что-то здесь явно не так. День не начинается, а вот-вот закончится. И выяснилось вот что. Человек привык вставать на работу с государственным гимном. Часы-то давно сломались, чинить некогда да и негде. Время сверяли по радио. Так вот он спал, услышал во сне гимн, видимо, соседи по коммунальной квартире не приглушили свою тарелку. Услышал да и испугался страшно, что на работу опаздывает. Одежда на ходу да и побежал что есть мочи за уходящим трамваем. Только, как уже потом выяснилось, перепутал утро с ночью. В полночь, перед тем как расстаться со слушателями до утра, по радио тоже играли гимн. Вот ведь юмор. Хочешь – смейся, хочешь – плачь. И каково ему теперь домой возвращаться, если уже комендантский час начинается. А с другой стороны, считай, что повезло. Счастье какое – спать ещё можно до шести часов утра...

Самыми счастливыми для меня, конечно, были дни, которые запомнились всем ленинградцам – прорыв блокады и окончательное освобождение города из кольца фашистской осады. И майский день Победы.

Я в тот вечер была свободна. Стояла с подругами у Зоологического музея на Стрелке Васильевского острова, лучшего места для того, чтобы увидеть салют у Петропавловской крепости, не найти. И увидела. И счастлива была с моими земляками – ленинградцами. И только тогда поняла – мы выжили, мы победили!

А впереди была жизнь и новые испытания. Это только тогда казалось, что для счастья так мало нужно. Вот пустят опять трамваи... Вот наладят отопление... Вот отменят карточки...

Случись мне жить в другое время, может быть, в жизни многое было бы иначе. И школу смогла бы закончить как все. И в институт, глядишь, поступила бы. Но судьба вроде бы добрая, заботливая, участливая, от многих бед сберегла, а вот свободы выбора не оставила. Только так и не иначе. Не было выбора. Да что ж теперь на судьбу сетовать...

Пережитое в блокаду приучило к другому – бороться с силами, отказать от лишнего. Задача номер один – выжить. Рисковать ни собой, ни близкими нельзя.

В 1971 году сумела построить однокомнатную кооперативную квартиру, переехала с мамой на «Академическую». Комнату в том доме на 16-й линии, в которой пережили мы с ней блокаду, оставила детям. Но работала до самой пенсии в Леоновском трамвайном парке. На пенсию ушла в перестроечном 1985 году.

Скажу честно, был у меня период грустный. Думала, вот я сорок

с лишним лет в парке, как говорится, отрубилась, а теперь никому до меня и дела нет. Да и много ещё нас таких. Но стали приходить письма с поздравлениями из парка, из Совета ветеранов, от городских властей с поздравлениями. В январе и в мае – к памятным годовщинам. И к 15 апреля – нашему, как говорится, семейному празднику. Стала бывать на встречах. Порадовалась, что живы ещё мои сверстники, не собираются они сдаваться. Вот Женя Матвеева, водитель, она в Гавани живёт. Вот Нина Захарова – она 26 лет в Леоновском парке отработала, тоже приходила на наши праздники. Хотя редуют ряды. Недавно ушёл от нас Георгий Иванович Шкулёв. Он ведь много лет даже адреса не менял. Как был на 1-й линии прописан, так там всю свою жизнь и оставался. Простились...

Однажды на такой встрече меня попросили выступить. Я не стала отказываться. Просто, искренне рассказала о том, что было. Здоровья пожелаю своим сверстникам – для нас это теперь самое главное.

Я, увы, особенно теперь этим похвастаться не могу. И операция была. Привезли меня в больницу на скорой. Врачи, посмотрев, сказали: гарантии дать не можем – возраст серьёзный. Но если не оперироваться, сказали, проживёте считанные часы. Я согласилась. Мне не часы нужны. Ещё несколько лет. Очень хочу увидеть, как внуки встанут твёрдо на ноги. Увидеть, что со страной будет. С городом нашим.

Признаюсь честно, последние месяцы дались мне нелегко. Уже и квартиру стараюсь не покидать. Астма в тяжёлой форме. Не смогу и на праздник в наш святой день поехать. За это – прошу прощения у сверстников и коллег. Я вас всех поздравляю. И благодарю за то, что помнят нас, помнят подвиг Ленинграда.

Записал Мансур Арифুলин.

На снимках: Вера Михайловна Шалова. Между этими фотографиями прошло свыше 60 лет.

Фото Марины Власовой и из семейного альбома. Документальные снимки представлены Архивохранилищем УПП СПб ГУП «Горэлектротранс».

ВСЮ БЛОКАДУ — В ПЕРВОМ ПАРКЕ

Клавдия Михайловна Дмитриева устроилась в парк им. Коняшина (Первый трамвайный) на третий день войны, 25 июня 1945 года. Было ей в то время восемнадцать с половиной лет, и по возрасту водителем трудиться не полагалось.

– «Пришлось оформляться разнорабочей, – вспоминает Клавдия Михайловна. – Пилила и разносила дрова, топила печи в парке и в общежитии, выполняла всякую черновую работу. Занимались тогда этим в основном женщины и молодые девчонки, мужчины же защищали город на линии фронта.

Уже к концу первого года войны все так ослабели от постоянного недоедания, что каждую работу старались выполнять сидя. При парке был организован огород, занимались здесь прополкой овощных культур, и считалось тогда большой удачей, если во время прополки удалось оторвать от растущего кочна несколько капустных листьев или съесть сырыми две-три маленькие свеклы. В парке кое-как кормили, давали какую-то кашу, гороховый суп. Работы было много и очень тяжелой. Больше частью приходилось разбирать на дрова деревянные дома. Это днем. А ночью приходилось дежурить на крыше – как боец МПВО я должна была обезвреживать немецкие бомбы-зажигалки. Так прошли долгие

два года и только во второй половине 1943-го меня послали учиться на вагоновожатого. Закончила учебу через четыре месяца и с середины ноября 1943-го вышла впервые на линию как вагоновожатый 3-го класса.

До полного снятия блокады мне довелось целых два месяца водить трамваи по осажденному врагом городу. Я трудилась на грузовых трамваях, перевозила дрова, песок, уголь, снаряды. Бывало, что попадала под бомбежки. Так случилось однажды на Обводном канале. Остановившись на мосту, я не покидала вагон, пока не закончилась бомбежка. Мой трамвайный «поезд» состоял из трех вагонов: одного закрытого и двух открытых платформ. Ездила по всему городу. Грузовые трамваи выполняли перевозки как для фронта, так и для «мирных нужд». Позднее приходилось перевозить корма для животноводства, в совхоз «Ручьи». Трамвай шел только до Поклонной горы, а дальше грузы везли на машинах.

Приходилось возить на открытых грузовых платформах и пленных немцев, которые после войны восстанавливали город. Но это было уже в мирное время.

Я родилась и почти до совершеннолетия проживала в сельской местности и занималась сельским хозяйством, а от техники, тем более – от электротранспорта была далека. Поэтому при освоении профессии водителя трамвая мне пришлось проявить максимум упорства и старательности. Но профессию эту я все же освоила. А уже через два года сдала успешно экзамен и на следующий – второй класс, а позже – и на первый. Всего же водителем грузового трамвая я отработала 37 лет до выхода на пенсию в 1980 году.

– Клавдия Михайловна, а какие у Вас есть награды, поощрения за Вашу работу?

– Трудилась я старательно, добросовестно, и руководство парка меня не забывало поощрять. В моей трудовой книжке имеются записи о нескольких десятках поощрений за хорошую работу. Среди них Почетные грамоты, благодарности, денежные премии. Не раз меня отмечали за досрочное выполнение планов перево-

зок. В советское время я также была победителем социалистического соревнования.

– А как отметило Вас государство за непосильный труд в период Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда?

– За войну я имею награды: медаль «За оборону Ленинграда» и медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов», целый ряд юбилейных медалей. Я ветеран войны, труда и блокадница, моя фотография не раз заносилась на Стенд почета Первого трамвайного парка».

Вот такая уникальная жизнь нашла свое место на страницах нашей газеты – для памяти нынешнего поколения и всех последующих. Людей таких у нас осталось буквально считанные единицы. И мы должны бережно относиться к их воспоминаниям – как к живым свидетельствам того невероятно трудного и героического времени.

Нынешний праздник – 65-я годовщина полного снятия вражеской блокады Ленинграда – это и личный праздник Клавдии Михайловны Дмитриевой, который придется ей отмечать «со слезами на глазах». Ведь ради Ленинграда К.М. Дмитриева отдала все, что имела – свою молодость, здоровье, самоотверженный труд. И она рада, что этот подвиг не забыт и сегодня.

Подготовил Валерий Межонный.

На снимке: К.М. Дмитриева

НЕСПЕТАЯ ПЕСНЯ. РЕКВИЕМ

«Он бы мог мне сегодня быть братом
С молодым и красивым лицом.
Мой отец был три года солдатом,
Но ни дня он не пробыл отцом...»

Мало кто помнит сегодня куплет песни, которую пела Алла Пугачёва почти 40 лет назад. Я вспомнил его, когда услышал рассказ моей коллеги фотографа М.Н. Власовой.

А знаете ли вы, читатель, что наш фотограф Власова – дитя блокады. В самом прямом, а не переносном значении этого слова. 27 января 1944 года Ленинград был окончательно освобождён из кольца фашистской блокады. А спустя две недели, 14 февраля 1944 года в измождённом жестоким испытанием городе на свет явилась Марина Фролова (такова девичья фа-

милия Марины Николаевны). Её бабушка Марина Ивановна Румянцева и мама Валентина Денисовна Фролова рады были пополнению в семье. А вот отцу девочки Николаю Александровичу увидеть свою дочь не довелось. Он погиб за несколько месяцев до её рождения.

В шестидесятые Марина Фролова могла бы петь вместе с певицей Аллой Пугачёвой песню про отца-солдата, который мог бы быть ей братом. Сегодня по возрасту она уже значительно старше его.

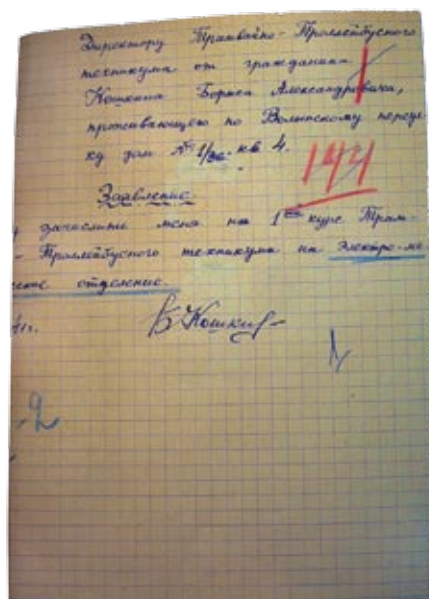
Но речь здесь не о блокадной судьбе семьи коллеги. Не один год мы знакомы с Мариной Николаевной, а личных историй слышать от неё не доводилось. Человек она особой ленинградской скромности. И об этом тоже вы, уважаемый читатель, прекрасно знаете. Если бы...

Если бы в один прекрасный день она не пришла с фотографией из «Личного дела» и копиями документов, которые вы можете видеть на этой странице. Разложила листы бумаги на столе, сказала негромко: «Вот вся жизнь моего соседа Бориса Александровича Кошкина». И горестно вздохнула.

Кошкин Борис Александрович в этом году должен был бы справить 83-летие. Он закончил «семилетку». Решил связать свою судьбу с городским электротранспортом. Поступил в Ленинградский электромеханический техникум на электромеханичес-

кое отделение. И, наверное, стал бы со временем толковым специалистом своего дела. Возможно, работал бы главным инженером или дорос до должности директора парка – трамвайного или троллейбусного. Способности у него к этому явно были. Посмотрите на его свидетельство об окончании семи классов 202-й средней школы Дзержинского района города Ленинграда. Среди отличных оценок практически по всем учебным предметам скромно затерялась единственная четвёрка по рисованию. А это его заявление о приёме в Трамвайно-Троллейбусный (именно так он пишет) техникум. Безупречно грамотное, заявление это написано каллиграфическим почерком. Теперь обратите внимание на дату. Семилетку он закончил в июне 1941 года. А заявление о приёме в техникум написал в начале июля всё того же 1941 года. УЖЕ НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ ШЛА ВОЙНА... Но никто ещё не знал, что всех ждёт впереди. Никто не думал о том, что враг так быстро сумеет продвинуться вглубь нашей страны, что уже в сентябре он окружит кольцом осады наш город...

В «Личном деле» Бориса Александровича Кошкина, заведённом в Ленинградском электромеханическом техникуме Трамвайно-троллейбусного управления Ленгорисполкома две даты. Начата 5 июля 1941 года. Окончена 3 января 1942 года. Окончена потому, что закончилась, едва

начавшись, юная жизнь нашего героя. Продолжалась она неполных 16 лет.

Но дадим слово Марине Николаевне Власовой:

– Несколько лет назад мы готовили «Книгу памяти» нашего предприятия. Решено было собрать в одном томе фотографии всех работников Трамвайно-троллейбусного управления Ленинграда, погибших в годы войны. Тяжёлая была работа, признаюсь честно. Сохранились только фотографии в личных делах. Переснимать приходилось сотни снимков. Да и соприкоснуться с таким морем, океаном человеческого горя тоже непосильное испытание. Я уже не вчитывалась в строки, написанные дотошными делопроизводителями на страницах личных дел. Не могла. И вдруг словно обожгло глаза, душу, сердце. В личном деле учащегося электромеханического техникума Бориса Кошкина был мой домашний адрес – Волынский переулок, дом 1 дробь 36, квартира 4. Всё совпадало здесь. Дом 1 дробь 36 стоял на углу набережной Мойки и Волынского переулка. Вот только номер квартиры у моей семьи был другой – семь.

Понятно, что всё пересняла – и фотографию и документы. И в тот же день выяснила у мамы. Да, Боря Кошкин действительно был наш сосед. Семья как семья. Отец, мать, трое детей. Глава семьи с самых первых дней войны попал на передовую. Мама осталась с детьми. Поначалу шло всё вроде бы по заведённому по-

рядку. Сестра Ольга продолжала учёбу в Ленинградском инженерно-строительном институте. Боря поступил в электромеханический техникум. Но в январе вдруг притихла комната Кошкиных. Бабушка моя Мария Ивановна Румянцева не так давно схоронила мужа Дениса Ивановича. Она знала: если жизнь за дверью затихла, значит там смерть. Пошла за управдомом. Всё так и оказалось. Единственный, кто выжил в семье Кошкиных, был младший сын Витя. Его управдом забрал к себе. Потом они стали закадычными друзьями с моим старшим братом Олегом. В 43-м получили свои медали «За оборону Ленинграда». От богатого, густого сада осталось одно тоненькое деревце...

А Бориса Кошкина, своего соседа, я увидела на фотографии из личного дела. Произошло это много-много лет спустя в 2004 году, когда готовила в архиве нашем снимки для «Книги памяти», посвящённой 60-летию Победы.

Вот такая история, читатель. Когда я узнал о ней, не отпускала она меня от себя несколько дней. Одно дело заученные в школьном учебнике цифры миллионов жертв долгой и страшной войны. Другое – вот такая очень личная история конкретного человека. Сколько всего не сбылось... Не сложилась судьба... Не родились дети, внуки, правнуки...

И конечно, герой наш достоин своего реквиема. Таким реквиемом

для многих и многих тысяч павших ленинградцев стала знаменитая симфония Дмитрия Дмитриевича Шостаковича. А ненаписанный реквием Марины Николаевны Власовой должен звучать куда камернее и пронзительнее. Я слышу его в исполнении одинокой робкой скрипки в промерзшем в январское тусклое утро подземном переходе на углу Невского проспекта и Садовой улицы. Я слышу его в исполнении уставшего от долгой жизни баяна в майский вечер в ленинградском дворе-колодце. Но ещё отчётливее я слышу его в исполнении наивной губной гармошки – более искреннего и пронзительного исполнения я себе не представляю.

Я пишу эти строки на компьютере в тёплом помещении, проглатывая ком горечи и боли. И в ушах у меня звучит строка из Окуджавы:

*«Эх, война, что ты сделала,
подлая...».*

Мансур Арифудинов

НЕ ЗАБЫТЬ МНЕ БЛОКАДНОЕ ДЕТСТВО

15 лет трудится у нас Ричард Генрихович Гурчин – сначала в Шестом, а затем в Восьмом трамвайном парке. Он специалист по электронике и связи. Более 30 лет работал в ленинградском НИИ связи, занимал ответственные должности. Его родное предприятие закрылось. Но и в системе электротранспорта он нашел свое место, стал почти незаменимым работником.

Р.Г. Гурчин из тех, кого называют блокадниками. Он родился в 1935 году. В начале войны ему было уже пять лет – возраст, с которого ребенок уже начинает помнить все, что с ним происходило. Война, блокада навсегда врезались в его память. Вот как он вспоминает об этом сейчас:

– «Был конец июня 1941 года, стояла отличная летняя погода, и мы всей семьей собирались поехать на дачу, расположенную в одном из пригородов Ленинграда. Отец ушел в магазин за покупками, а мама с бабушкой делали последние приготовления к отъезду. Как вдруг по радио прозвучало тревожное выступление В.М. Молотова об объявлении фашистской Германией войны Советскому Союзу. Запомнилась на это сообщение реакция мамы с бабушкой: их слезы, тревога, страх за будущее. Тревожное настроение передалось и мне.

Война кардинальным образом изменила всю нашу жизнь, как и жизнь каждой семьи. Отец как квалифицированный инженер и организатор производства был направлен в тыл страны, в Кузбасс, на одну из шахт. Ведь уголь так же необходим был для фронта, для будущей победы, как и продовольствие, вооружение и еще многое другое. А мама, бывшая до войны домохозяйкой, осталась со мной, пятилетним сыном в городе, который вскоре

блокировали фашисты. Воспоминаний у меня о тех годах много, хотя все они отрывочны, эпизодичны. И сейчас, спустя 65 лет после полного снятия блокады Ленинграда, я не могу вспомнить о тех трудных днях равнодушно, слезы то и дело застилают глаза. Помню налеты вражеских самолетов на город, тревожный вой сирен, предупреждающий о бомбежках, пылающие в пожарах дома, расстрел очереди за хлебом фашистскими самолетами. Все слилось в памяти в одну картину. А еще запомнилось, как оборонялся от врага наш город. В частности, стреляющие по самолетам со свастикой зенитки, расположенные на стадионе им. Ленина, рядом с которым жила наша семья. Помню, как вражеская бомба попала в дом на Ждановской набережной. А еще запомнилась весна 1942 года и первые трамваи, которые пошли в блокаду. Я с мамой ждал на остановке трамвай, чтобы поехать к маминой сестре. Это был апрель 1942 года, когда, преодолевая невероятные трудности, электротранспортники в блокаду вновь пустили трамвай по рельсам. И он уже не останавливал свой бег, работая на победу.

Постоянно хотелось есть, а питание было крайне скудным. Мама с начала войны стала работать швеей на фабрике, получала рабочую порцию хлеба в 250 граммов, но на двоих с сыном этого не хватало. Приходилось есть вареную «дуранду». Ездили на Среднюю рогатку, собирали там листья от капусты, лебеду. А щавель на этом фоне был просто деликатесом. Запомнился и такой эпизод. Раз пошли мы с мамой в булочную выкупать хлеб по карточкам. Я так хотел есть, что попросил маму отдать тут же мне довесок. Но пока она его вынимала, прямо в магазине на нее налетел какой-то голодный человек, вырвал из рук ее хлеб и стал с жадностью его поглощать. На него налетели люди, пытались отнять чужой хлеб, но это им оказалось не по силам. Голодный упал на пол, продолжая поглощать этот хлеб. И даже избиения не смогли оторвать его от этого. Так мы с мамой остались без еды на этот день. Пришлось нам пережить и еще одну беду – кражу карточек, что в то время было вообще-то делом обычным. Карточки давали на десять дней. Беду помогли нам пережить мамы подруги, простые работницы, которые до конца декады делились с нами своим скудным пайком.

В 1942–1943 годах я ходил в детский садик, там нас кое-как подкармливали. Часть пути приходилось идти одному. Наставления мамы при этом были категоричны: не

останавливаться и ни с кем не разговаривать, как бы ни просили. Были всякие случаи, например, два ребенка, отправленные родителями в садик, попросту пропали. Был трудный случай и у меня. Однажды, когда мама отпустила меня, чтобы я один добежал остаток пути до садика, меня окликнула какая-то женщина: «Пойдем со мной, мальчик, я тебя покормлю». Есть, конечно, очень хотелось, но я заподозрил неладное, ответил навязчивой незнакомке: «Ничего не надо...». И вбежал в парадную садика. Незнакомка меня здесь настигла и схватила. Я закричал. Спасла меня воспитательница, выбежавшая на шум.

Ярким воспоминанием детства был прорыв блокады в 1943 году. Мы с мамой в этот день шли по Малому проспекту к ней на работу. Все встречные люди, узнав о прорыве блокады, искренне радовались, ликовали, обнимались и целовались. А полное снятие блокады в январе 1944 года было для всех ленинградцев настоящим праздником. Вспоминаю салют в честь этого события на Петропавловке.

А в День Победы, 9 мая 1945 года, когда мне было уже почти десять лет, я впервые увидел, как вели пленных немцев по Ждановке. Они шли колонной, каждый в потрепанной военной форме без погон. И публика, все, кто встречался на их пути, бросали в них с ненавистью камни. Охранники их отгоняли, давали предупредительные выстрелы в воздух. Потом пленных немцев водили на военный завод, расположенный на Малом проспекте, на работу. И те же женщины, бабки, которые раньше в них кидали камни, теперь их с жалостью подкармливали, давали кусочки хлеба, другое съестное. Так на моих глазах проявлялся характер нашего народа – гневного к врагам, но отходчивого, способного сочувствовать поверженному противнику».

Подготовил Валерий Межонный

На снимке: Р.Г. Гурчин

Редакция газеты «Петербургские магистрали» выражает благодарность Архивохранилищу УПП СПб ГУП «Горэлектротранс» и лично Галине Александровне Ивановой за помощь в подготовке этого номера газеты.

Уважаемые читатели! Редакциям интересно ваше мнение о газете. Пожалуйста, обращайтесь к нам с предложениями по улучшению внешнего вида или информационного наполнения газеты.

Газета зарегистрирована в Северо-Западном региональном управлении Комитета Российской Федерации по печати (Санкт-Петербург). Свидетельство о регистрации № П 1491 от 02 июня 1995 года

Адрес редакции: 196084, г. Санкт-Петербург, Московский пр., д. 83

И.о. редактора: Мансур Арифалин

Отпечатано в типографии ООО «Цветпринт»

191119, Санкт-Петербург, ул. Роменская, д. 10, лит. К
Тел./факс: (812) 336-92-12
E-mail: office@svdigital.ru

Комп. вёрстка: Александр Чернышов

Подписано в печать 22.01.2009
Тираж 2500 экз.
Заказ № 721